
Теорема
о трёх
Ксения Фосс

Ксения Фосс

Теорема о трех

«Автор»
2026

Фосс К.

Теорема о трех / К. Фосс — «Автор», 2026

Опрятный дом на Blueberry-lane с розовой дверью и запахом роз. Идеальное место для спокойной жизни. Если бы не жильцы.Тецуми — собранная, колючая и смотрящая на мир с нескрываемым вызовом. Дэвид — расслабленный, самоуверенный и невыносимый. Они терпеть не могут друг друга. Их взгляды сталкиваются, как лезвия, а слова ранят больнее молчания.Но теперь они заперты в одной реальности. Вынужденное сожительство, общие стены и полное отсутствие личного пространства. То, что начиналось как война, постепенно начинает давать странные трещины. Что происходит, когда за сарказмом проступает что-то совсем другое? Когда раздражение сменяется пугающей зависимостью?Иногда у любых правил есть побочные эффекты. И этот — самый непредсказуемый.

© Фосс К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Ксения Фосс
Теорема о трех

Глава 1

В тихом районе, на улице Blueberry Lane, стоял опрятного вида дом. Двухэтажный, со светлой отделкой стен, цветущих и благоухающим палисадником, что наполнял лужайку перед домом густым ароматом роз и насыщенным запахом сезонных растений, за которым хозяйка — миссис Бёрдс — следила с особой, почти материнской любовью. Идеальный дом, для пожилой женщины, чтобы провести в нем легкую и беспечную старость, но был у этого дома один, весьма внушительный изъян. Его жильцы. Миссис Бёрдс сдавала свой дивный дом *благовоспитанным* студентам из ближайшего колледжа.

Перед низкой резной калиткой, стояла молодая девушка. Серьезный взгляд девушки был устремлен прямиком на покрашенную в розовый дверь, будто та могла в любой момент сорваться и укусить ее. Короткие темные волосы легко колыхались на еще теплом ветру, а легкая рубашка развевалась. За ней стояло два чемодана, за спиной рюкзак, а в руках полная сумка.

С минуты на минуту должна была подойти главная причина этого мероприятия. Эбби.

Умиротворённую тишину района, прервал громкий топот и ритмичный стук колес о тротуарную плитку. К дому, кокетливо подходила блондинка, катящая за собой большой розовый чемодан, но завидев стоящую перед домом подругу заметно ускорила шаг, громко цокая каблучками. Нежно-розовая кофточка сползла до локтей, открывая загорелые плечики и аккуратную шею.

— Привет-привет, дорогая! — Эбби лучезарно улыбнулась, помахав подруге рукой, — Как тебе дом, Цуми? Красиво же?

— Просила же, не сокращать… — раздраженно протянула Тецуми, — Он… розовый.

— Да! — радостно взвизгнула блондинка, — Это ли не прелесть? Пойдем быстрее! Осмотримся!

Девушка поправила идеальную укладку и кофточку, отряхнула от невидимой пыли короткую юбку и открыв в одно движение пошла к дому, восторгаясь по пути цветами и их ароматом. Тецуми ничего не оставалось делать, как подхватить стоящие на земле сумки и пойти за подругой.

Дверь поддалась с мягким, почти неслышным скрипом, впуская внутрь поток прохладного воздуха и звонкий смех Эбби. Тецуми пришлось наклониться, чтобы подхватить ручку одного из чемоданов: колёсики предательски застряли в щели между садовой дорожкой и порогом. Она с усилием втащила багаж внутрь, и дверь за её спиной тихо щёлкнула, отрезая путь к отступлению.

Внутри дом пах совершенно иначе. Сладковатый аромат роз здесь уступал место запаху старого дерева, воска для паркета и стойкому запаху выпечки с корицей. В прихожей тикали старые напольные часы, а на вешалке в идеальном порядке висели аккуратные пальто — три или четыре, все тёмных тонов, с пуговицами, отполированными до блеска. Дом внутри, как и снаружи, был таким же нежно-розовым и старым, словно сама старость оставила небольшой отпечаток: потертые половицы, старый диван, накрытый белым чехлом с цветочным принтом и мелкими рюшами, этажерка с фарфоровыми статуэтками, каждая на своей салфеточке.

Эбби кружилась по прихожей, ее розовый чемодан катился за ней, слегка поскрипывая на поворотах.

— Ты только посмотри на эти часы! — она всплеснула руками, едва не задев маленький круглый столик с одинокой вазой с сухоцветами, стоящей на кружевной салфетке ручной работы, — А эти статуэтки! Цуми, ты видела?

— Видела, — Тецуми поставила сумку у стены и огляделась медленнее. Она не была ниже Эбби, но из-за любви подруги к каблукам Тецуми выглядела на ее фоне ниже.

Из глубины коридора, где мягко горело бра с тканевым абажуром, показалась сама миссис Бёрдс. Невысокая, округлая, в вязаном кардигане цвета спелой вишни поверх простого ситцевого платья, она выглядела как воплощение домашнего уюта — из тех женщин, что кажутся старушками уже в пятьдесят и остаются ими до девяноста. Седые волосы были собраны в аккуратный пучок, на носу сидели очки в тонкой оправе, а в руках она держала полотенце, которым машинально вытирала руки. Заметив гостей, она забавно пошла в их сторону, шаркая домашними тапочками по полу.

— Девочки! Наконец-то! — воскликнула хозяйка, всплеснув руками. — Проходите, не стойте на пороге. Я как раз поставила чайник.

Эбби тут же устремилась к ней, рассыпаясь в комплиментах по поводу интерьера и хватая хозяйку за руки. Миссис Бёрдс зарделась как школьница.

— Здравствуйте, — уважительно кивнула Тецуми, оставляя свои вещи в углу в прихожей и проходя дальше по коридору. Слева была не очень большая, но красивая кухня — с жёлтыми занавесками и полками, уставленными банками с крупами, — а справа гостиная, где за диваном виднелся старый телевизор в деревянном корпусе. — Как часто вы будете приходить к нам на проверку?

— Ой, знаешь, внучка, стара я уже, чтобы бегать с проверками. — добродушно ответила старушка, приобнимая Эбби и улыбнувшись, — Я же дома сдаю, а не допросы устраиваю. Только соседям не мешайте и после девяти не шумите.

Эбби тут же расплылась в своей дежурной улыбке, перехватив инициативу:

— Конечно, миссис Бёрдс! Мы будем самыми тихими и примерными жильцами! Правда, Цуми?

— Ага…

— А где ваши соседи, душка? — старушка за озиралась, будто тот, кого она потеряла, мог появиться сразу перед ней, — Мы же на четверых жильцов договорились.

— Четверых? — Тецуми с трудом сдержала неприличное ругательство, глядя на подругу. Она и так с трудом решилась на переезд из удобного общежития, так еще и оказывается вместе с ними будут жить неизвестные ей соседи.

— Они скоро подойдут, опаздывают чуть-чуть. — беззаботно отмахнулась блондинка.

— Эбби, — голос Тецуми стал опасно тихим, а темные глаза сузились. — Мы договаривались, что берем дом на двоих. Каких еще соседей?

Блондинка виновато пожала плечами, теребя пальцами ручку чемодана. Она вдруг стала очень занята созерцанием своих глянцевых каблуков, но в них отражалось искаженное от гнева и натяжения материала лицо подруги.

— Ну, Цуми, ты же знаешь, аренда в этом районе кусается, — быстро заговорила она, стараясь звучать как можно более убедительно. — А тут такой просторный дом! К тому же... — она замялась, бросив быстрый взгляд на миссис Бёрдс, — миссис Бёрдс не сдает комнаты по отдельности. Только целиком. А мальчики тоже хотят учиться, им тоже нужно жилье.

— Мальчики? — Тецуми медленно выдохнула, чувствуя, как к горлу подступает комок раздражения. — Ты втащила меня в этот розовый кошмар, даже не предупредив, что мы будем жить с парнями?

— Мы будем не с чужими парнями, а с моим Нати и его лучшим другом. Разве ты им не доверяешь? — Эбби быстро затараторила, хлопая ресничками, — Они хорошие юноши…

— Я знаю только Натана и лишь по тому, что ты с ним встречаешься!

— Но ты вроде бы с Дэвидом ходишь на одни пары пару раз в неделю. — робко начала говорить Эбби, — Они хорошие.

— Девочки, мне не нужны лишние проблемы. — испуганно начала миссис Бёрдс, — Я и так поступилась своими принципы, разрешив снять дом девушкам и юношам, так вы еще и не знакомы…

— Нет-нет! Мы знакомы, просто Тецуми забыла о нашем договоре…

Эбби быстро тараторила, пытаясь убедить то ли себя, то ли старушку. Солнечная и добродушная улыбка чуть дрогнула, а глаза испуганно забегали по коридору.

Тецуми тяжело вздохнула, отводя взгляд в сторону.

Миссис Бёрдс, заохав поспешила на кухню, на нарастающий свист чайника. Эбби улыбнулась как будто ничего не случилось и подошла к подруге, медленно, словно подкрадывалась к опасному зверю.

— Ну чего ты? Дом же хороший подумаешь розовый, но хороший же.

— Почему о наших соседях я узнаю сегодня?

— Ну аренда очень дорогая и я бы не…

— Я могла бы оплатить твою часть аренды. — безцеремонно перебила Тецуми, резко поворачиваясь к блондинке, — Тебе было достаточно просто сказать мне о том, что у тебя нет денег, а не втягивать невесть кого в наши планы!

— Но вчера ты была не против…— Эбби осеклась.

— Что значит «вчера я была не против»?! Мы не говорили вчера о том, что в нашем доме будут жить двое мужиков!

— Не мужчин, а мальчиков, — поправила Эбби, и в этой поправке было столько детской, беспомощной настойчивости, что Тецуми на мгновение задохнулась; воздух остановился у неё в горле, а ногти, сами того не желая, впились в ладонь и оставили там четыре полумесяца, которых она не почувствовала.

— Это одно и то же.

— Это не одно и то же, — возразила Эбби, и рука её, описав в воздухе бессмысленный полукруг, упала, как подстреленная птица. — Мужчины — это те, кто баре клеится. А Нати — он мой. И Дэвид — он его друг.

— Друг, — повторила Тецуми, и в устах её это слово прозвучало так, как произносят названия болезней: с брезгливостью, на вытянутой руке, будто оно могло запачкать. — Ты видела, как он смотрел на меня вчера? Или ты была слишком занята, обнимаясь со своим Нати?

Эбби вспыхнула. Краска шла медленно, от шеи к щекам, розовыми пятнами, и на фоне светло-розовой кофточки была почти незаметна — но Тецуми заметила, потому что Тецуми замечала всё, что другие предпочли бы скрыть.

— Он не смотрел никак, — сказала Эбби. — Он вообще не смотрит на девушек. Он такой.

— Какой?

— Замкнутый.

— Замкнутый, — повторила Тецуми, и в этом повторении было столько усталой ярости, что Эбби поморщилась, как от сквозняка. — Ты уже говорила. Ты вообще замечаешь, что, когда речь заходит о нём, у тебя только одно слово? Как будто ты выучила его наизусть и повторяешь, чтобы самой себе поверить.

— Потому что это правда! — Эбби шагнула вперёд, и каблуки её стукнули громче обычного, резко, как удар молотка по тонкой доске, и в этом стуке была вся её натура: порывистая, неловкая, искренняя до боли. — Он не злой, он не грубый, он просто… не умеет. С людьми. Он как ты.

Это было сказано без злобы, почти с сочувствием, и от этого стало только хуже.

Тецуми медленно опустила руки. Она стояла прямо — так прямо, что казалось, будто внутри у неё натянули струну и она вот-вот лопнет, — и в этой прямоте было больше ярости, чем в любом крике.

— Значит, я — как он.

— Я не то имела в виду.

— А что ты имела в виду, Эбби? Что мы с ним поладим, потому что оба нелюдимые? Что нам будет о чём молчать? Что мы будем сидеть по разным углам и наслаждаться тишиной, как два старика в приюте?

— Может, и так, — сказала Эбби, и подбородок её дрожал, но она держала его высоко, и в этом было что-то отчаянное, как у человека, который боится упасть и потому стоит очень ровно. — Может, вам обоим нужно, чтобы кто-то не лез в душу. Может, вы бы друг друга поняли.

— Я не хочу, чтобы меня понимал человек, который смотрел на меня как на грязь.

— Он не смотрел на тебя как на грязь!

— А как он смотрел?

Эбби открыла рот. Закрыла. В коридоре повисло то тяжёлое молчание, которое бывает, когда обе стороны знают, что правы, но правы по-разному, и от этого знание становится только тяжелее; оно оседает в груди, как сырость, и дышать становится труднее.

— Он смотрел… — начала Эбби и запнулась; пальцы её нашли ручку чемодана и вцепились в неё, побелели, и было видно, как под тонкой кожей бьётся жилка. — Он смотрел на тебя, как на человека, которого он не ожидал увидеть.

— Что это значит?

— Это значит, что он не знал, что ты придёшь. — Эбби выдохнула, и плечи её опустились, будто из неё выпустили воздух, весь до последнего. — Я не сказала ему, что ты будешь там и… и здесь. Я сказала, что мы снимаем дом на двоих. С ним и Нати. А про тебя… — она замялась, и в этой запинке было больше вины, чем в целой речи, — про тебя я как-то забыла.

Тецуми смотрела на неё долго, не мигая.

— Ты забыла.

— Не в том смысле! Просто… — Эбби теребила ручку чемодана, и та поскрипывала в её пальцах, тихо, жалобно, как мышь в ловушке. — Вчера в клубе было весело. Нати смеялся, Дэвид стоял рядом, и всё было так хорошо, что я… Я думала, что успею сказать. Потом. Когда-нибудь. А потом оказалось, что уже сегодня.

— И ты решила, что лучше сегодня, когда они уже на пороге?

— Я решила, что раз ты их увидишь, то поймёшь. Что они нормальные. Что с ними можно жить.

— Я не хочу с ними жить, Эбби. — Тецуми сказала это тихо, почти устало, и от этой тихости у Эбби внутри всё оборвалось, как обрывается нить, которую слишком долго тянули. — Я хотела жить с тобой. В тихом доме. Вдвоём. Чтобы никто не ходил под окнами; не гремел посудой в шесть утра; не занимал ванную; чтобы я не боялась спать, зная, что в доме кроме тебя и меня никого нет; чтобы моя жизнь не превращалась в минное поле, зависящее от чужого настроения или пристрастия к алкоголю! Я на свое удобство соглашалась, а не на это.

Эбби опустила голову. В её отражении на каблуках всё ещё было видно лицо Тецуми — но уже не искажённое гневом, а пустое, каким оно бывает, когда человек выдохся и внутри у него осталась только зола.

— Я думала, тебе будет лучше с ними, — сказала она наконец.

— Лучше?

— Ну… ты всегда одна. В общежитии ты ни с кем не разговаривала. На парах — молчишь. Я думала, может, в доме, с людьми… — она подняла глаза, и в них было столько искренней, глупой, отчаянной надежды, что Тецуми на секунду отвернулась, потому что смотреть на

это было невыносимо, как смотреть на человека, который протягивает тебе руку, зная, что ты её не примешь. — Может, ты перестанешь быть одна.

— Я не одна. У меня есть ты.

— У меня есть Нати.

Сказала — и тут же прикусила язык. Слишком поздно. Слово уже вылетело, повисло в воздухе и стало между ними, как трещина, которая была всегда, но только теперь стала видна. Тецуми посмотрела на неё так, будто только что увидела впервые — не подругу, а чужого человека, который случайно оказался рядом и говорит её голосом.

— Вот оно что.

— Нет. Нет, я не то…

— Ты нашла себе компанию. А я осталась одна. И ты решила, что если поселишь меня с ними, то тебе не придётся разрываться. — Тецуми кивнула, будто сама себе подтверждая, и в этом кивке было столько горечи, что Эбби почувствовала, как у неё защипало в глазах. — Это не обо мне забота, Эбби. Это о тебе.

Эбби молчала. И это молчание было ответом.

На кухне снова свистнул чайник — но теперь слабее, будто выдыхался, — и миссис Бёрдс загремела чем-то, и голос её, старушечий, встревоженный, с той дребезжащей ноткой, которая появляется у людей, когда они боятся вмешиваться, но не могут не вмешаться, прозвучал из коридора:

— Девочки! Чай готов! Идите мириться, а то остынет!

Ни одна из них не двинулась.

— Я всё равно не отступлюсь, — сказала Эбби тихо; голос её дрожал, но в нём была та упрямая, солнечная настойчивость, которую Тецуми знала слишком хорошо и которой слишком долго поддавалась. — Я подписала договор. И они подписали. Мы будем жить здесь. Все четверо.

— Знаю.

— И ты не уйдёшь.

Это был не вопрос. Тецуми посмотрела в окно — на улицу, на деревья, на дома, которые стояли здесь сто лет и никуда не собирались; в стекле отражалось её лицо, бледное, с плотно сжатыми губами, и где-то за ним, в глубине отражения, стояла Эбби, светлая и виноватая одновременно, как бывает виновата молодость перед тем, что она не сумела сберечь.

— Не уйду, — сказала она. — Но не потому, что ты меня уговорила.

— А почему?

— Потому что я уже оплатила свою часть. — Тецуми повернулась и пошла в сторону кухни, но у двери остановилась; плечи у неё были напряжены, спина прямая, и в этой прямоте было что-то от человека, который идёт по тонкому льду и знает это. — И я не одна. У меня есть брат.

— Но он женился. И они ждут ребенка.

— Это не значит, что он поступит со мной так как сделала это ты.

Эбби открыла рот, чтобы что-то сказать, но не сказала. Слова застряли где-то в горле, и она только смотрела, как Тецуми уходит — тихо, почти неслышно, как ходят люди, привыкшие, что их не замечают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.